

Глава 4

ЭКОНОМИКА РК

DOI: 10.48647/IFES.2022.88.21.021

П.С. Лешаков

ЭКОНОМИКА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Аннотация. В статье рассматривается ситуация в экономике Республики Корея в условиях новых глобальных вызовов, с которыми страна столкнулась на рубеже второго и третьего десятилетия XXI в. Серьезным испытанием для южнокорейского общества стала пандемия COVID-19. Благодаря эффективным противоэпидемическим мерам и крупным бюджетным вливаниям правительству удалось со второй половины 2020 г. восстановить рост ВВП. При этом затяжной характер антиковидных ограничений негативно сказался на малом бизнесе, усилив социальное расслоение. Коронавирусный кризис совпал по времени с обострением американо-китайских отношений, поставившим Сеул в сложное положение выбора между основным торгово-экономическим партнером и главным военно-политическим союзником. Введенные Японией летом 2019 г. ограничения на экспорт стратегических материалов и попытки США вовлечь Республику Корея в переформатирование международных каналов сбыта высокотехнологичной продукции в обход Китая выявили болевые точки «сэндвичного» характера южнокорейской экономики. В свою очередь поставленная правительством задача достижения к 2050 г. углеродной нейтральности в рамках «четвертого энергетического перехода» при форсированном переводе экономики на возобновляемые

источники энергии может привести к росту цен и увеличению издержек в производственном секторе, подрывая его конкурентоспособность на мировых рынках. В ответ на новые глобальные вызовы южнокорейское руководство летом 2020 г. приняло национальную стратегию развития — «Корейский новый курс», акцент в которой делается на цифровизации, зеленом росте и смягчении социальных противоречий. Конечной целью декларируется превращение Республики Корея из страны догоняющего типа в глобального лидера, «премиальный бренд» мировой экономики. При этом для достижения этой амбициозной цели южнокорейскому бизнесу и правительству в ближайшее время предстоит определиться с многомиллиардными «упреждающими» капиталовложениями на наиболее перспективных направлениях перехода мировой экономики к новому технологическому укладу.

Ключевые слова: Республика Корея, глобальные вызовы, коронавирусный кризис, «сэндвичный» характер экономики, энергетический переход, «Корейский новый курс».

Автор: Лешаков Павел Семенович, кандидат экономических наук, советник Посольства Российской Федерации в Республике Корея. ORCID: 0000-0002-2151-2254.
E-mail: pavel.leshakov@gmail.com

Leshakov P.S.

The Economy of the Republic of Korea under New Global Challenges

Abstract. The article analyzes the economic situation in the Republic of Korea under new global challenges, which the country encountered at the turn of the second decade of XXI century. COVID-19 pandemic has become a severe test for South Korean society. Due to effective anti-epidemic measures and massive budget spending the government succeeded in recovering GDP growth from the second half of 2020. Nevertheless, prolonged antiviral restrictions damaged small businesses aggravating social differentiation. Coronavirus crises coincided with worsening of US-China relations, which put Seoul in a complicated position of choice between the largest trade partner and the key military and political ally. Export restriction on strategic material introduced by Japan in the summer of 2019 as well as US attempts to draw the Republic of Korea into reshaping of international value-added chains of high-tech products bypassing China exposed ‘sandwiched’ type of South Korean economy. At the same time the task to achieve carbon neutrality by 2050 set by the government within the “fourth energy transition” based on accelerated economic transfer to renewable energy resources could lead to the rise of prices and expenses in the manufacturing sector undermining its competitiveness on world markets. In res-

ponse to the new global challenges in the summer of 2020 Korean leadership adopted a national development strategy — “Korean New Deal”, which stressed digitalization, ‘green’ growth and softening of social contradictions. The utmost goal declared in the strategy is the transfer from a catch-up country to a global leader, “premium brand” of the world economy. To achieve that ambitious aim, Korean business and government in the near future will have to decide on multibillion “lookahead” investments into the most prospective directions of the world economy’s transfer to a new technological mode.

Keywords: the Republic of Korea, global challenges, coronavirus crises, “sandwich” type of economy, energy transition, “Korean New Deal”.

Author: Pavel S. LESHAKOV, Ph.D. (Economics), Embassy of the Russian Federation in the Republic of Korea.

ORCID: 0000-0002-2151-2254. (e-mail: pavel.leshakov@gmail.com).

Республика Корея одной из первых столкнулась с завезенной из Китая новой коронавирусной инфекцией. В конце февраля — начале марта 2020 г. страна вышла в «лидеры» по числу заразившихся COVID-19 на душу населения. Несмотря на быстрое купирование властями первой волны эпидемии, спада в хозяйственной деятельности избежать не удалось. В первом квартале 2020 г. ВВП страны снизился на 1,3 %, во втором — еще на 3,2 % — наихудший поквартальный показатель после обвала на 3,8 % в последнем квартале 1998 г. в период азиатского финансового кризиса [Monetary Policy Report (June 2021), p. 7].

Коронавирусный кризис ударил в первую очередь по внешне-экономической деятельности. Стоимостной объем экспорта товаров сократился в первом квартале 2020 г. на 0,5 %, во втором — на 16,2 % [Monetary Policy Report (June 2021), p. 7]. Падение экспорта негативно отразилось на промышленном производстве, где спад составил 1,7 % в январе — марте 2020 г. и 7,1 % в апреле — июне 2020 г. [Monetary Policy Report (June 2021), p. 30]. В первом полугодии зафиксировали убытки такие отрасли, как автомобильная, сталелитейная и нефтеперерабатывающая, авиационный транспорт и гостиничный бизнес.

В результате вводимых правительством ограничений в борьбе с COVID-19 в сложном положении оказались мелкие предприниматели, занятые на транспорте, в гостиничном и ресторанном бизнесе, розничной торговле, культурно-развлекательном секторе. Спад деловой активности привел к сокращению рабочих мест в реальном секторе экономики. Уровень безработицы, составлявший на конец 2019 г.

3,8 %, к концу первого полугодия 2020 г. превысил 4,5 % [Monetary Policy Report (June 2021), p. 12].

Панические настроения на мировых финансовых рынках в марте 2020 г. привели к обвалу фондового рынка и значительному ослаблению национальной валюты. За два месяца с начала распространения COVID-19 в Южной Корее рыночная стоимость акций национальных компаний, котирующихся на фондовой бирже, упала на четверть, курс южнокорейской воны к доллару США опустился до самого низкого уровня за последние 10 лет [Monetary Policy Report (June 2021), p. 25].

На фоне разрастающегося кризиса правительство было вынуждено пойти на крупные финансовые вливания. Национальное собрание Республики Корея приняло в марте — июле 2020 г. три дополнительных бюджета общим объемом 56,3 млрд долл. Более половины средств было израсходовано на стимулирование внутреннего потребительского спроса и оказание единовременной материальной поддержки южнокорейским домохозяйствам [3rd Supplementary Budget...].

Положительный эффект от мер, принятых правительством, проявился уже в августе 2020 г. Несмотря на вторую волну коронавирусной инфекции, в третьем квартале южнокорейская экономика выросла на 2,2 %, в четвертом — еще на 1,1 % [Monetary Policy Report (December 2021), p. 8]. По результатам года сокращение ВВП Республики Корея составило 0,9 % при общем спаде мирового хозяйства в 2020 г. на 3,2 %, в том числе в экономически развитых странах — на 4,6 % [Monetary Policy Report (December 2021), p. 4].

Основным драйвером наметившегося выхода южнокорейской экономики из рецессии стал экспорт товаров, который в стоимостном выражении в июле—сентябре 2020 г. вырос на 18,1 %, в октябре—декабре — на 5,4 % [Monetary Policy Report (December 2021), p. 8]. Об оздоровлении экономики свидетельствовало укрепление южнокорейской валюты, стабильный рост котировок на фондовых биржах KOSPI и KOSDAQ, а также усилившийся во втором полугодии приток прямых иностранных инвестиций (по итогам года они составили 32,5 млрд долл.) [Economic Statistics System].

Оживление хозяйственной деятельности, наметившееся во второй половине 2020 г., продолжилось в 2021 г. Наибольший оптимизм у властей вызывает быстрое восстановление экспортных поставок. В 2021 г. стоимостной объем южнокорейского экспорта достиг рекордных 644,4 млрд долл., положительное сальдо внешней торговли

составило 29,4 млрд долл. Поставки южнокорейской продукции основным торговым партнерам выросли: в Китай — на 25,7 % (до 169,2 млрд долл.), США — на 29,4 % (до 95,9 млрд долл.), Вьетнам — на 16,9 % (до 56,7 млрд долл.), Гонконг — на 22,2 % (до 37,5 млрд долл.), Японию — на 19,8 % (до 30,1 млрд долл.) [КІТА].

Вместе с тем восстановление южнокорейской экономики в 2021 г. носило К-образный характер, когда ориентированные на экспорт конгломераты фиксировали рекордные прибыли, в то время как мелкий бизнес в секторе контактных услуг в условиях антиковидных ограничений терпел убытки и был на грани банкротства. Обострилась проблема безработицы, особенно среди молодежи в возрасте от 15 до 29 лет, где нетрудоустроенным оставался каждый десятый.

В свою очередь практика массированных бюджетных вливаний правительства привела к лавинообразному росту задолженности домохозяйств и увеличению внешнего долга: в 2021 г. он впервые превысил 50 % от ВВП. Рост цен на энергоносители и сельхозпродукцию во второй половине 2021 г. стал разгонять инфляцию, что вынудило Банк Кореи к январю 2022 г. поднять ключевую процентную ставку до 1,25 % [Economic Statistics System].

Коронавирусный кризис совпал по времени с обострением американо-китайских торговых противоречий и активизацией попыток Вашингтона переформатировать международные производственные цепочки высокотехнологичной продукции в обход Китая — одного из основных торгово-экономических партнеров РК (в 2021 г. на КНР приходилось 25,3 % южнокорейского экспорта и 22,5 % импорта; на США соответственно 14,9 % и 11,9 %)*. Все более отчетливой становится перспектива втягивания Сеула в сколачиваемый Белым домом антикитайский блок, что сулит немалые неприятности южнокорейскому бизнесу.

Китайский рынок является крупнейшим потребителем производимых в Республике Корея интегральных схем. В 2020 г. на долю КНР и Гонконга приходилось соответственно 43,2 и 18,3 % южнокорейского экспорта данной продукции, в том числе на чипы памяти — 50,3 и 21 %**.

* Рассчитано по данным Korea International Trade Association. URL: <http://www.kita.org> (дата обращения: 02.03.2022).

** *Kim Eun-jin*. South Korea Excessively Dependent on Japan in Semiconductor Industry // Business Korea. 06.12.2021. URL: <https://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=83040> (дата обращения: 14.02.2022).

Введенный Вашингтоном запрет на поставки «Хуавэй» компонентной базы компаниями, использующими американские технологии и программное обеспечение, вынудил южнокорейские корпорации «Самсунг Электроникс» и «Эс Кэй Хайникс» с сентября 2021 г. прекратить отгрузки полупроводников указанному китайскому телекоммуникационному гиганту.

Из-за давления со стороны США под угрозой оказались планы «Эс Кэй Хайникс» по переносу контрактного производства интегральных микросхем на свой завод в китайском г. Уси (пров. Цзянсу). Если Белому дому удастся заблокировать поставки из Южной Кореи в КНР высокотехнологичного оборудования для изготовления полупроводников методом ультрафиолетовой литографии голландской компании «ASML», корпорация, на китайских мощностях которой размещено 15 % мирового производства чипов памяти DRAM, рискует серьезно подорвать свои позиции на рынке данной продукции*.

Проблемы не ограничиваются полупроводниковой отраслью. По оценкам Корейского института промышленной экономики и торговли в 2021 г., из более чем 5300 товарных позиций, импортируемых из Китая, 1088 относятся к «чувствительным»**. Так, ориентированные на внешний, прежде всего американский, рынок южнокорейские производители аккумуляторных батарей полностью зависят от китайских поставок карбоната лития, оксида кобальта, сульфата никеля и сульфата марганца. Около 70 % мочевины (карбамида), водный раствор которой используется в дизельных двигателях, также завозится в Республику Корея из Китая. В октябре 2021 г. введение Пекином временных ограничений на экспорт мочевины привело к серьезному дефициту данной продукции на местном рынке.

Аналогичные проблемы возникли у Республики Корея летом 2019 г. после ужесточения Японией контроля экспорта на южнокорейский рынок трех высокотехнологичных материалов: фоторезиста, фторированного полиимида и фтороводорода, которые применяются в процессе изготовления полупроводников и дисплеев. Республика

* *Kim Eun-jin.* SK Hynix Seeking to Soothe China over US Intervention on Equipment Introduction on China Plant // BusinessKorea. 03.12.2021. URL: <https://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=82918> (дата обращения: 14.02.2022).

** *Yi Whan-woo.* Korea Urged to Explore ways to Reduce China Reliance // The Korea Times. 31.01.2022. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/biz/2022/01/488_323083.html (дата обращения: 11.02.2022).

Корея была исключена из «белого списка» стран, имеющих преференции при закупке товаров двойного назначения. Инициированный японской стороной торговый конфликт выявил болевые точки «сэндвичного» характера южнокорейской экономики, прежде всего сохраняющуюся технологическую зависимость местных производителей от бывшей метрополии и уязвимость от сырьевой и компонентной привязанности к Китаю.

Серьезным вызовом для Республики Корея может стать «четвертый энергетический переход», в рамках которого правительством поставлена задача достижения к 2050 г. углеродной нейтральности. В августе 2021 г. Национальное собрание Республики Корея приняло Закон об углеродной нейтральности, который предусматривает снижение к 2030 г. выбросов парниковых газов в атмосферу не менее чем на 35 % [Carbon Neutrality Act Passed...]. При этом в ноябре 2021 г. президент Мун Чжэ Ин на 26-й сессии Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата в г. Глазго (Шотландия) официально заявил о повышении взятых страной обязательств по сокращению данных выбросов до 40 % по сравнению с пиковым уровнем 2018 г. [Address by President Moon Jae-in...].

Стремление претендующего на роль лидера в продвижении мирового сообщества к углеродной нейтральности южнокорейского руководства взять на себя повышенные обязательства по оздоровлению экологической ситуации в стране вполне объяснимо. Республика Корея в последнее десятилетие вышла на первое место среди стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по темпам роста углеродного воздействия на окружающую среду. Тем не менее та поспешность, с которой администрация Мун Чжэ Ина ставит перед страной все новые и новые цели по «озеленению» экономики, вызывает растущую критику в экспертных и деловых кругах.

Опрос, проведенный в сентябре 2021 г. Федерацией корейской промышленности среди крупнейших предприятий, которые в первую очередь столкнутся с проблемами декарбонизации, показал, что две трети респондентов считают нереальным достижение к 2030 г. целей принятого Закона об углеродной нейтральности. В качестве основной причины называется неизбежный рост цен при форсированном переходе на возобновляемые энергоресурсы, который повлечет увеличение издержек в производственном секторе и подорвет конкурентоспособность важнейшего сектора южнокорейской экономики. Вы-

сказываются также сомнения в возможности коммерциализации к 2030 г. технологий зеленого роста*.

В ответ на новые глобальные вызовы южнокорейское руководство летом 2020 г. поставило перед собой амбициозную цель превращения Республики Корея из страны догоняющего типа в глобального лидера, «премиальный бренд» мировой экономики. Кроме того, были поставлены задачи по преобразованию национальной экономики из высокоуглеродной в низкоуглеродную со структурной трансформацией общества и рынка труда.

В июле 2020 г. основные контуры указанной стратегии были конкретизированы президентом Республики Корея Мун Чжэ Ином в «Корейском новом курсе». Ядро указанной стратегии составляет «новый зеленый курс», предполагающий развитие экологически чистой экономики с акцентом на создании безвредных производств, перевод энергетики с ископаемых на возобновляемые источники, а также «новый цифровой курс», предусматривающий формирование общества с «интеллектуальным» правительством, «умной» социальной инфраструктурой и населением, использующим в повседневной жизни большие базы данных [The Korean New Deal].

Предложенный Мун Чжэ Ином «Корейский новый курс», подаваемый как новаторская стратегия развития на многие десятилетия вперед, в действительности является более акцентированной и энергичной попыткой претворения в жизнь планов, которые ставились его консервативными предшественниками на президентском посту Ли Мён Баком и Пак Кын Хе. Новым элементом является сильная социальная составляющая, которая предполагает создание дополнительных рабочих мест, введение всеохватывающей системы страхования безработицы, сокращение имущественного неравенства и обеспечение социальных гарантий южнокорейских граждан.

Одно из ключевых мест в обеспечении конкурентных преимуществ Республики Корея в посткоронавирусный период отводится переводу экономики на водородные источники энергии. В ноябре 2021 г. на четвертом заседании экспертного комитета по водороду премьер-министр Республики Корея Ким Бу Гём презентовал «Первый базовый план реализации проекта водородной экономики». По оценкам правительства, к 2050 г. 23,8 % производимой и 33 % по-

* *Kim Hyu-bin.* Gov't Pushing Forward Daring Carbon Neutrality Measures // The Korean Time. 02.11.2021. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/tech/2021/11/693_318046.html (дата обращения: 11.02.2022).

требляемой в стране энергии будет приходиться на водород. Планируемая энергетическая трансформация позволит создать 567 тыс. рабочих мест и сократить на 200 млн т выбросы парниковых газов в атмосферу*.

В числе основных задач план предусматривает увеличение производства экологически чистого водородного топлива (освоение южнокорейскими компаниями технологий извлечения водорода из воды методом электролиза, ввод в эксплуатацию зарубежных предприятий по выпуску аммония, ориентированных на южнокорейский рынок, разработку эффективных систем улавливания и хранения побочных углеродных продуктов при выделении водорода из углеводородного сырья); создание соответствующей инфраструктуры (перегрузочных портовых терминалов, сети трубопроводов и заправочных станций); расширение сфер применения водорода в экономике (перевод на новое топливо энергетики, металлургии и химической промышленности, стимулирование роста парка водородных транспортных средств).

В качестве важнейших драйверов экономического роста страны южнокорейские власти рассматривают также производство экологически чистых транспортных средств на электрических источниках питания, создание в стране к 2030 г. полупроводникового кластера полного цикла с привлечением в «чиповый пояс» частных инвестиций в объеме более 450 млрд долл., превращение Республики Корея в один из мировых хабов не только по производству, но и по разработке собственных антикоронавирусных вакцин.

В целом в настоящее время в Республике Корея прослеживается тенденция к укреплению роли государства в принятии стратегических решений в экономической области, основными проводниками которых призваны стать крупнейшие финансово-промышленные группы. При этом в условиях новых глобальных вызовов перед южнокорейским правительством и бизнесом стоит непростая задача определиться с основными направлениями многомиллиардных «упреждающих» капиталовложений, от которых будет зависеть достижение страной лидирующего положения на прорывных направлениях перехода мировой экономики к новому технологическому укладу.

* *Lee Ho-jeong*. Basic plans to build a 'hydrogen economy' drawn up // Korea JoongAng Daily. 26.11.2021. URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/2021/11/26/business/economy/hydrogen-hydrogen-economy-clean-energy/20211126150110363.html> (дата обращения: 11.02.2022).

Библиографический список

Address by President Moon Jae-in at World Leaders Summit for 26th UN Climate Change Conference of the Parties // President of the Republic of Korea. 01.11.2021. URL: <https://english1.president.go.kr/BriefingSpeeches/Speeches/1095> (дата обращения: 14.02.2022).

Carbon Neutrality Act Passed by National Assembly Heralding Economic and Social Transition Towards 2050 Carbon Neutrality. Press release // Ministry of Environment of the Republic of Korea. 02.09.2021. URL: <https://eng.me.go.kr/eng/web/board/read.do?menuId=461&boardMasterId=522&boardId=1473610> (дата обращения: 11.02.2022).

Economic Statistics System // Bank of Korea. URL: <https://ecos.bok.or.kr> (дата обращения: 11.02.2022).

KITA. URL: http://kita.org/kStat/byCount_AllCount.do (дата обращения: 11.02.2022).

Monetary police report (December 2021). Quarterly Bulletin // Bank of Korea. P. 8. URL: <https://www.bok.or.kr/eng/bbs/E0000628/view.do?nttId=10068709&menuNo=400215&pageIndex=1> (дата обращения: 11.02.2022).

Monetary Policy Report (June 2021). Quarterly Bulletin // Bank of Korea. P. 7–30. URL: <https://www.bok.or.kr/eng/bbs/E0000628/view.do?nttId=10065716&menuNo=400216&pageIndex=1> (дата обращения: 11.02.2022).

The Korean New Deal. National Strategy for a Great Transformation July, 2020 // Ministry of Economy and finance. P. 10. URL: <https://english.moef.go.kr/pc/selectTbPressCenterDtl.do?boardCd=N0001&seq=4948> (дата обращения: 11.02.2022).

3rd Supplementary Budget of 2020 Passed. Press release // Ministry of Economy and Finance of the Republic of Korea. 03.07.2020. URL: <https://english.moef.go.kr/pc/selectTbPressCenterDtl.do?boardCd=N0001&seq=4932> (дата обращения: 11.02.2022).

References

Address by President Moon Jae-in at World Leaders Summit for 26th UN Climate Change Conference of the Parties. *President of the Republic of Korea*. November 1, 2021. URL: <https://english1.president.go.kr/BriefingSpeeches/Speeches/1095> (accessed: 14 February, 2022).

Carbon Neutrality Act Passed by National Assembly Heralding Economic and Social Transition Towards 2050 Carbon Neutrality. Press Release. *Ministry of Environment of the Republic of Korea*. September 2, 2021. URL: <https://eng.me.go.kr/eng/web/board/read.do?menuId=461&boardMasterId=522&boardId=1473610> (accessed: 11 February, 2022).

Economic Statistics System. *Bank of Korea*. URL: <https://ecos.bok.or.kr> (accessed: 11 February, 2022).

Monetary Policy Report (December 2021). Quarterly Bulletin. *Bank of Korea*. P. 8. URL: <https://www.bok.or.kr/eng/bbs/E0000628/view.do?nttId=10068709&menuNo=400215&pageIndex=1> (accessed: 11 February, 2022).

Monetary Policy Report (June 2021). Quarterly Bulletin. *Bank of Korea*. P. 7–30. URL: <https://www.bok.or.kr/eng/bbs/E0000628/view.do?nttId=10065716&menuNo=400216&pageIndex=1> (accessed: ??).

KITA. URL: http://kita.org/kStat/byCount_AllCount.do (accessed: 11 February, 2022).

The Korean New Deal. National Strategy for a Great Transformation. July, 2020. *Ministry of economy and finance*. P. 10. URL: <https://english.moef.go.kr/pc/selectTbPressCenterDtl.do?boardCd=N0001&seq=4948> (accessed: 11 February, 2022).

3rd Supplementary Budget of 2020 Passed. Press release. *Ministry of Economy and Finance of the Republic of Korea*. July 3, 2020. URL: <https://english.moef.go.kr/pc/selectTbPressCenterDtl.do?boardCd=N0001&seq=4932> (accessed: 11 February, 2022).